

Социально-демографические процессы у коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1989—2010 гг.

Вадим Анатольевич Тураев,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: v_turaev@mail.ru

В статье представлено исследование социально-демографических процессов у коренных малочисленных народов Дальнего Востока в постсоветский период. Анализируются материалы переписей жителей СССР и РФ, данные текущего учёта естественного движения населения. Подробно рассматриваются недемографические факторы, оказывающие влияние на численность коренных этносов: миграционные и ассимилятивные процессы, административное вмешательство, погрешности переписей. Определены тенденции, обуславливающие современную демографическую ситуацию у коренных народов Дальнего Востока (рост числа однодетных, бездетных и неполных семей; увеличение абсолютной и относительной численности городского населения; сокращение количества браков и др.). Уделяется внимание характерным для региона социальным процессам, повлиявшим на прирост и убыль численности коренных народов Дальнего Востока в рассматриваемый период. На основе изучения демографической ситуации в регионе в последние десятилетия автором выявлена устойчивая положительная динамика во все межпереписные периоды лишь для 5 из 18 народов. В указанную небольшую группу входят ительмены, чукчи, эвенки, эвены и юкагиры. В то же время с 1989 г. неуклонно уменьшалась численность алеутов, коряков, негидальцев, орочей, удэгейцев, ульчей и чуванцев, а прирост у нанайцев, нивхов, ороков и тазов, зафиксированный после переписи 2002 г., в 2002—2010 гг. снова сменился убылью.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Дальнего Востока, демографические процессы, рождаемость, смертность, естественный прирост.

Socio-Demographic Processes of the Indigenous Peoples of the Far East in 1989—2010.
Vadim Turaev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: v_turaev@mail.ru.

The paper presents a research on socio-demographic processes of the indigenous peoples of the Far East during the Soviet period. The materials of censuses

of the population of the USSR and the Russian Federation, current records of natural movement, non-demographic factors influencing the number of indigenous peoples such as migration and assimilative processes, administrative intervention, census errors are analyzed. The current demographic situation of the indigenous peoples of the Far East is determined by the following trends: an increase in the number of single-child, childless and single-parent families, increase in absolute and relative urban population, decrease in the number of marriages, etc. Attention is paid to the social processes which are typical for the region and influence population growth and decrease of the indigenous peoples of the Far East during this period. The analysis of the demographic situation in recent decades demonstrates a positive trend only for five out of 18 ethnic groups: the Itelmens, Chukchi, Evenks, Evens and Yukagirs. Among the ethnic groups who have steadily decreased since 1989 are the Aleuts, Koryaks, Negidals, Orochi, Udege, Ulchi and Chuvans. The population growth of the Nanai, Nivkhs, Oroks and Tazi, which had been registered after the population census in 2002, was replaced by a decline in 2002–2010.

Keywords: indigenous peoples of the Far East, demographic processes, birth, mortality, natural increase.

Для коренных малочисленных народов Дальнего Востока в последние советские десятилетия были характерны высокие темпы прироста, превосходившие показатели РСФСР более чем в 2 раза: между переписями 1979–1989 гг. они составили 18,9% при средних по России 6,8%. За 1959–1989 гг. количество аборигенов региона увеличилось более чем на 31 тыс. чел. Наибольший прирост показали юкагиры — 2,5 раза; ительмены — 2,2 раза; ульчи, нанайцы и эскимосы — 1,5 раза.

В основе прироста, зафиксированного переписью, лежат не только демографические характеристики, но и недемографические факторы (миграция, ассимилятивные процессы, административное вмешательство, погрешности переписей). Они оказывали воздействие и на динамику численности народов Дальнего Востока. Яркий пример в этом отношении — ительмены. В 1979–1989 гг. их стало больше в 1,8 раза; объяснить такой рост естественным воспроизводством невозможно. Причина в другом. В списке народов Севера не было камчадалов, которыми считали себя метисные группы охотского побережья Магаданской области. Национальность «камчадал» значилась и в их паспортах. Местные власти, желая закрепить за ними права коренных народов, предложили людям изменить этническую принадлежность. Большинство охотских камчадалов стали ительменами, благодаря чему численность последних к 1989 г. возросла на 509 чел. [36, с. 269].

Заметное воздействие на прирост коренных народов в XX в. оказывали ассимилятивные процессы, в одних случаях увеличивая его, в других — уменьшая. В 1959–1969 гг. они составляли почти 12% естественного прироста, в 1970–1978 гг. — примерно 70% сильно уменьшившегося естественного прироста, в 1979–1988 гг. — снова около 12% [3].

Погрешности переписей особенно отражались на численности эвенков и эвенов. Их этнонимы похожи, что ведёт к ошибкам при записи национальности. В 1970 и 1979 гг. за счёт эвенов оказалась завышена численность эвенков в Хабаровском крае, в 1989 г. по этой же причине было завышено число эвенов. К ним приписали много *женщин-эвенкиек*, которые нередко определяют свою национальность как *эвенка*.

Говоря о естественном приросте, следует иметь в виду, что систематические сведения о рождаемости и смертности коренных народов отсутствуют. Мы располагаем данными текущего учёта их естественного прироста в основных районах проживания в 1980—1988 гг. [9] и в 1989—2001 гг. [4]. И в том и в другом случае информация неполная. Рождаемость и смертность фиксировались преимущественно среди сельского населения в районах, официально именуемых «районами проживания малочисленных народов Севера». Между тем значительная часть аборигенов живёт в городах, а также за пределами статусных территорий и выпадает из учёта [30].

С исчезновением в паспортах и других документах записи о национальности данные о естественном движении населения стали особенно ненадёжными. В актах гражданского состояния национальность теперь указывается по желанию, соответственно, и достоверность учёта с каждым годом всё меньше. В 2003—2008 гг., например, запись о национальности отсутствовала у 44% родившихся и 50% умерших [4]. С 2008 г. сведения о естественном движении в разрезе национальностей вообще перестали разрабатываться. Одновременно была упразднена процедура этнического учёта через похозяйственные книги, которые всегда являлись важным источником демографических данных.

Разницу между естественным приростом и переписной численностью характеризуют нередко как восстановление этнической принадлежности (при преобладании общего прироста) или её утрату (при преобладании естественного прироста) [9, с. 31]. На наш взгляд, столь прямолинейное объяснение не совсем корректно. Иногда восстановление действительно имеет место. В 1989 г. восстановили этническую принадлежность часть ороков (уйльта), которых до этого учитывали орочами, и чуванцы, числившиеся чукчами. В большинстве других случаев правильнее говорить о смене этничности; учитывая широкое распространение межэтнических браков, она стала обычным явлением. Национальность детей от таких союзов в зависимости от обстоятельств определяется по отцу или матери. У нанайцев Пожарского района Приморья, например, в 1989—1996 гг. родилось 17 детей, и 15 были записаны в свидетельствах о рождении русскими [35, с. 58].

Прирост численности в 1989 г. фиксировался у всех народов Дальнего Востока кроме орочей (табл. 1), при этом недемографический прирост был характерен для 11 этносов: алеутов, ительменов, коряков, нанайцев, негидальцев, удэгейцев, ульчей, эвенков, эвенов, эскимосов и юкагиров. Недемографические факторы составили 22% всего прироста, в том числе у ительменов — 82%, негидальцев — 63%, удэгейцев — 59%, ульчей — 57% и т.д. У нивхов, чукчей и орочей наблюдалась недемографическая убыль. У чукчей и орочей она была связана с более точным учётом этнической

Таблица 1

Численность народов Дальнего Востока в РФ в 1979—2010 гг., чел.

Народы	Численность по переписям				Прирост (убыль) по переписям			Естественный прирост по данным текущих учётов	
	1979	1989	2002	2010	1979—1989	1989—2002	2002—2010	1980—1988	1989—2002
Алеуты	489	644	540	482	155	-104	-58	30	18
Ительмены	1 335	2 429	3 180	3 193	1 094	751	13	197	52
Камчадалы*	...	...	2 293	1 927	...	...	-366	...	...
Коряки	7 637	8 942	8 743	7 953	1 305	-199	-790	1 109	587
Нанайцы	10 357	11 883	12 160	12 003	1 526	277	-157	1 164	354
Негидальцы	477	587	567	513	110	-20	-54	31	15
Нивхи	4 366	4 631	5 162	4 652	265	531	-510	454	380
Ороки** (уйльта)	...	179	346	295	...	167	-51	8	6
Тазы*	...	...	276	274	...	...	-2	...	...
Орочи	1 040	883	686	596	-157	-197	-90	60	-19
Удэгейцы	1 431	1 902	1 657	1 496	471	-245	-161	198	96
Ульчи	2 494	3 173	2 913	2 765	679	-260	-148	291	160
Чуванцы***	...	1 384	1 087	1 002	...	-297	-85	53	90
Чукчи	13 937	15 107	15 767	15 908	1 170	660	141	2 175	1 814
Эвенки	27 278	29 901	35 527	38 396	2 623	5 626	2 869	2 471	3 687
Эвены	12 215	17 055	19 071	21 830	4 840	2 016	2 759	2 843	3 814
Эскимосы	1 460	1 704	1 750	1 738	244	46	-12	180	169
Юкагиры	801	1 112	1 509	1 603	311	397	94	137	174
Все КМНС	85 317	101 516	113 234	116 626	14 636	9 149	3 392	11 401	11 397

Источники: [4; 9, с. 68—69; 13, кн. 1, с. 7—19; 16, кн. 3, с. 2111—2119; 24, с. 8—9].

* В 1979 и 1989 гг. не учитывались.

** В 1979 г. учитывались как орочи.

*** В 1979 г. учитывались в составе чукчей.

номенклатуры. В прошлом к орочам ошибочно причислялись некоторые группы магаданских эвенов с самоназванием *орочи* и ороки Сахалина. В результате число орочей — очень небольшого народа — систематически завышалось. В 1989 г. эти ошибки частично устранили. О недемографическом приросте ительменов уже говорилось.

И всё же главным фактором увеличения численности коренных народов в последнее советское десятилетие был естественный прирост — почти 78% от общего. К концу 1980-х гг. в области охраны здоровья аборигенов произошли положительные сдвиги. Уменьшилась заболеваемость туберкулёзом. Оздоровлению способствовала и антиалкогольная компа-

ния. Общая смертность в сравнении с концом 70-х гг. сократилась, в то же время достаточно высокой (при некотором снижении) оставалась рождаемость. В 1989 г. общий коэффициент последней у народов Севера составил 31,9‰; в среднем по России — 14,6‰. В 1980—1988 гг. естественный прирост наблюдался у всех коренных этносов Дальнего Востока и был равен 11 401 чел. (табл. 1).

Принятая в 1988 г. в РСФСР программа «Здоровье народностей Севера» предусматривала комплекс мер по устранению негативных тенденций в демографическом развитии аборигенов, однако глобальные перемены, начавшиеся с распадом СССР, не позволили её осуществить. Коренные народы вступили в последнее десятилетие XX в. с грузом демографических проблем, доставшихся от советского периода, которые в условиях системного кризиса 1990-х гг. ещё более обострились. Анализ демографической ситуации у аборигенов Дальнего Востока в постсоветское время и посвящена данная статья.

Массовая безработица в национальных сёлах, обнищание, голод стали в 1990-е гг. постоянными спутниками жизни. В 1999 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума на Чукотке составляла 71%, в Корякском АО — 76,5% [28, с. 550, 582]. В Хабаровском крае в 2000 г. суточное потребление продуктов питания в килокалориях достигало лишь 60,5% от научно обоснованной нормы, на Камчатке — 50,4%, в Сахалинской области — 61,1%, Чукотском АО — 64,9% [29, с. 206].

В связи с оттоком населения из региона началась «оптимизация» здравоохранения. Многие больницы преобразовали в фельдшерско-акушерские пункты, в ряде мест медучреждения вообще закрыли. На Чукотке количество амбулаторно-поликлинических учреждений в 1995—1999 гг. сократилось со 111 до 40, фельдшерско-акушерских пунктов — с 59 до 35, численность врачей уменьшилась на 30% [32, с. 23]. В Нанайском районе Хабаровского края один фельдшерский пункт обслуживал несколько сёл. Прекратились прививки, флюорографические обследования, работа мобильных медицинских формирований. Следствием ухудшения доступности медпомощи стало снижение уровня здоровья. Заболеваемость аборигенов превышала показатели некоренного населения в 10 раз.

Вновь обострилась проблема туберкулёза. На Чукотке в 1993 г. заболеваемость была в 10 раз выше, чем в РФ, в Корякском округе — в 25 раз; у коренных народов — в 17 раз выше, чем у приезжего населения. По районам перестали ездить фтизиатры. В особенно бедственном положении оказались оленеводы. Их заболеваемость туберкулёзом в 1996 г. превосходила окружные показатели более чем в 5 раз. Среди вновь заболевших дети аборигенов составляли 83% [ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 2. Д. 80. Л. 14]. Случаи смерти от туберкулёза фиксировались даже у студентов-северян в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге.

На Чукотке в 1991—1993 гг. показатель общей смертности в сравнении с 1986—1989 гг. вырос у коренных народов с 9,7 до 19,6 (на 1000 чел.) и был в 3 раза выше, чем у некоренного населения; естественный прирост

сократился почти в 6 раз — с 1610 до 284 чел., в Корякском округе — более чем в 11 раз (с 293 до 26 чел.) [ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 2. Д. 218. Л. 43]. На Сахалине смертность аборигенов превышала областной показатель в 1,3 раза. Особую тревогу вызывала младенческая смертность. Наиболее высокой она была у чукчей (64,5 на 1000 родившихся) и юкагиров (62,5 при 18,1 в РФ) [6, с. 161].

На этом фоне в обществе не могло не сформироваться убеждение о вымирании коренных народов, и лишь перепись 2002 г. позволила взглянуть на проблему по-другому (табл. 1). Общее количество аборигенов Дальнего Востока к 2002 г. возросло на 9149 чел. Это меньше, чем в 1979—1989 гг. (14 636 чел.), но в 2 раза больше, чем в 1970—1979 гг. (4375 чел.). Из 16 народов прибавили в численности 9, но 83% всего прироста (7642 чел.) пришлось на долю эвенков и эвенов, а 7 этносов сократились. В 2002 г. в составе аборигенов были переписаны камчадалы и тазы, что увеличило общую численность до 113 234 чел.

Не менее неожиданным стало наличие положительного естественного прироста. В 1989—2002 гг. он отмечался у всех народов кроме орочей и оказался практически идентичен 1980—1988 гг.¹ В сравнении с предшествующим периодом естественный прирост у нанайцев и ительменов сократился более чем в 3 раза, у удэгейцев и негидальцев — более чем в два, у коряков и ульчей — в 1,8 раза.

Как и в 1989 г. численность коренных народов формировал не только естественный прирост. В 2002 г. демографические факторы повлияли на увеличение количества эвенков, ительменов, нивхов, ороков и юкагиров. Добавка к естественному приросту составила 3173 чел. (в 1989 г. — 3235 чел.). В соответствии с естественным приростом численность ительменов должна была увеличиться минимум на 52 человека, а выросла на 751, у нивхов переписной прирост оказался выше естественного на 151 чел., у ороков — на 161 чел., у юкагиров — на 223 чел. А вот коряков, в соответствии с их естественным приростом, должно было стать в 2002 г. 9529 чел., но оказалось на 786 чел. меньше. Вопреки естественному приросту эвены «потеряли» 1798 чел., чукчи — 1157 чел., ульчи — 420 чел., удэгейцы — 341 чел. и т.д. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, о которой уже говорилось выше. На численности ороков отразились изменения в их учёте. В 1989 г. часть из них учитывали как орочей. В 2002 г. все они были учтены как ороки. Соответственно количество орочей уменьшилось, а ороков — выросло. Аналогичная ситуация с численностью удэгейцев, которых в 1989—2002 гг. при положительном естественном приросте стало меньше на 245 чел. В 1989 г. в их состав были включены тазы, которых в 2002 г. учитывали отдельно. Преобладание переписного прироста над естественным у нивхов связано с неполнотой текущего учёта естественного движения: почти половина этноса живёт в городской местности, где он не ведётся.

Высокий прирост, в том числе и демографический, демонстрируют в последние годы эвенки и эвены. Объяснить его причины невозможно

¹ Следует иметь в виду, что интервал учёта в 1989—2002 гг. был на 3 года больше, чем в 1980—1988 гг.

без понимания особенностей этнических процессов в Якутии, где и проживает большинство этих народов. Республика Саха в постсоветской России — один из лидеров в решении проблем коренных этносов, что не могло не сказаться и на демографических процессах. В РФ численность эвенов выросла в 1989—2002 гг. на 11,8%, эвенков — на 14,5%, а в Якутии — на 34,5 и 26,4% соответственно. В 2010 г. прирост эвенков по РФ составлял 14,5%, эвенов — 8%, а в Якутии — 53,6 и 29,3% соответственно. Похожая ситуация наблюдается и в других регионах, где коренные народы не воспринимаются как «бедные родственники» [31, с. 86].

На численности эвенков и эвенов отражаются погрешности переписей, связанные, как уже говорилось, с похожестью этнонимов. Не обошлось без путаницы и в 2002 г. Более чем двукратный прирост у эвенков (5626 против 2623 чел. в 1989 г.) сопровождался таким же снижением количества эвенов (2016 против 4840 чел.), при этом естественный прирост у тех и других был примерно одинаковым. Значительную часть эвенов в 2002 г. явно приписали к эвенкам. Перепись 2010 г. в этом отношении оказалась более точной — прирост у эвенков и эвенов соответствовал их демографическому потенциалу.

Вызывают вопросы итоги переписи 2002 г. у коряков. Их численность в 1989—2002 гг. сократилась на 199 чел. Между тем естественный прирост в этот же период составлял 587 чел. Это несоответствие объяснить ассимиляцией сложно. В основных районах проживания коряки являются среди аборигенов доминирующей этнической группой. Маловероятна и их ассимиляция со стороны приезжего населения, которое сильно сократилось. К тому же после катастрофических 90-х гг. перепись 2002 г. воспринималась коренными народами как своего рода психологическая защита групповой идентичности, что не могло способствовать этническому нигилизму.

Скорее всего, сказались погрешности переписи. Хронические проблемы с транспортом, характерные для округа в начале 2000-х гг., не позволили ей охватить наиболее труднодоступные поселения. Сведения пришлось собирать из административных источников, которые содержали данные только о поле и возрасте. Всех, кто «переписан» таким образом, относят к числу не указавших национальность. В 2002 г. в Корякском округе таких было 195 чел., в Магаданской области — 606 чел. Наверняка часть этих «не указавших национальность» и есть коряки.

Необычный рост численности ительменов в 1990-е гг., как и в предыдущий межпереписной период, связан с изменением этнической принадлежности камчадалов, на этот раз на Камчатке. В качестве коренного народа Камчатский областной совет народных депутатов их признал в 1991 г. Новая камчатская администрация этот статус не подтвердила. Им предложили, как в своё время в Магаданской области, изменить этническую принадлежность на ительменов, но если там это происходило без осложнений, то на Камчатке требовали подтверждающие справки из архива. К началу 2000-х гг. около тысячи камчадалов сумели их получить [22, с. 239], что и обусловило прирост численности ительменов в 2002 г.

В марте 2000 г. постановлением Правительства РФ камчадалы были внесены в единый перечень коренных малочисленных народов. После этого игнорировать их существование на Камчатке уже не могли, но нежелание признавать их коренным этносом со стороны органов власти не пропало. Если по данным Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Камчатской области в 1995 г. камчадалами считали себя 8800 чел., то в 2002 г. их было учтено 2293 чел. Нежелательность камчадалов в качестве коренного народа камчатские власти демонстрировали и во время переписи 2010 г. Вопреки положению у называвших себя камчадалами требовали доказательств [4]. В результате число камчадалов сократилось в 2002—2010 гг. с 2293 до 1927 чел.

Итоги переписи 2002 г. показали неоднозначную демографическую картину у коренных народов. Говорить об их вымирании, безусловно, не приходится, но нельзя не видеть и отчётливые признаки демографического неблагополучия, которые могут свидетельствовать о реальных процессах начавшейся депопуляции у некоторых из них. Перепись 2010 г. подтвердила существующие опасения.

Коренных народов региона в 2002—2010 гг. стало больше на 3760 чел., это в 2,4 раза меньше, чем в предыдущем межпереписном периоде. Если в 2002 г. увеличилась численность 9 из 16 этносов, то в 2010 г. — 5 (ительменов, чукчей, эвенков, эвенов и юкагиров) из 18. Ительменов, чукчей, эвенов и юкагиров стало больше на всех территориях проживания. Прирост эвенков обусловлен увеличением их числа в Якутии, на Дальнем Востоке отмечалась убыль. Численность других народов сократилась (табл. 1).

Отсутствие данных о естественном движении населения в 2002—2009 гг. не даёт возможности судить о соотношении демографических и недемографических факторов прироста или убыли. Можно полагать, что восстановление этничности, если и имело место, то незначительное. «Этническое возбуждение», с которым не в последнюю очередь связан рост численности коренных народов, не может быть постоянной величиной. Перепись 2010 г. проходила в менее политизированной обстановке, когда этнический фактор в известной степени потерял остроту, на убыль пошла активность общественных организаций. В таких условиях численность в большей степени зависит не от флуктуаций этнического самосознания, а от естественного прироста и качества переписи, которая, к сожалению, оказалась далека от совершенства. Количество не указавших национальную принадлежность по сравнению с 2002 г. выросло на Дальнем Востоке с 41 тыс. до 268 тыс. чел., в том числе на Камчатке — до 28 тыс. чел., в Магаданской области — почти до 5 тыс. чел.

Нельзя не сказать и о ещё одной возможной причине сокращения переписной численности коренных народов, связанной с качественной стороной переписи. В 2010 г. переписывались только те, кто находился в местах постоянного жительства. За рамками переписи оказались все, кто работает не в своих регионах. По некоторым оценкам, недоучёт по этой причине достигал 10—15%. Совершенно очевидно, что в их числе оказались и многие представители коренных малочисленных народов.

Истинные причины сокращения численности коренных народов в 2010 г. невозможно понять без данных о естественном приросте. К сожалению, они не известны. Единственное, чем мы располагаем, — явно неполные сведения за 2003 г. [29, с. 225]. Из 16 коренных этносов Дальнего Востока естественный прирост в том году имелся только у 8. Естественная убыль отмечалась у нанайцев, коряков, нивхов, ульчей, удэгейцев, ительменов, орочей и негидальцев. В совокупности она составила 124 чел., в том числе 57 чел. у коряков. Поскольку именно указанные народы сократились в численности и по итогам переписи 2010 г., можно полагать, что главной причиной этого стали проблемы с естественным приростом.

Рождаемость у аборигенов снижается с середины 1960-х гг., оставаясь заметно выше общероссийских показателей. Это общая для страны тенденция. Сказываются «городские» стереотипы демографического поведения, характерные со второй половины 1950-х гг. для большинства народов РФ. В 1990-е гг. важным фактором повсеместного падения рождаемости стал экономический кризис. Если в 1990 г. в Корякском АО появилось 635 детей, то в 2000 г. — 310. В начале 2000-х гг. из 320 обследованных домохозяйств округа дети в возрасте до 16 лет имелись лишь в составе 120 (40,3%). При этом более 70% семей имели одного ребёнка, 24% — двух, 5% — трёх [7, с. 28]. На юге Дальнего Востока обвальное падение рождаемости началось с 1993 г. Если в 1985—1992 гг. у эвенков Хабаровского края ежегодно появлялось в среднем 67 детей, то в 1997—2002 гг. — 38 [17, с. 24].

Ориентация на малодетность, ставшая реальностью уже в советские годы, в настоящее время приобрела необратимый характер. В Корякском АО доля детей в общей численности населения сократилась в 1995—2002 гг. с 26,6 до 19,7%, при этом у коренных народов снижение шло быстрее, чем у остальных [ГАКК КФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 37. Л. 150]. Уменьшение доли детских возрастов в половозрастной структуре фиксируется во всех регионах. В 1992 г. в пос. Вал Сахалинской области доля детей в возрасте до 15 лет у нивхов составляла 45%, у эвенков — 41%, у ороков — 39%. В 2012 г. эти показатели выглядели по-другому: у нивхов — 27%, у эвенков — 28%, у ороков — 23% [20, с. 51—52]. Между переписями 2002 и 2010 гг. доля детей в возрасте 0—14 лет сократилась у эвенков с 30,6 до 27,6%, у эвенов — с 30,2 до 27,1%, у чукчей — с 31,7 до 28,8%, у коряков — с 29,3 до 26,6%, у удэгейцев — с 26,1 до 22,8% и т.д. [14, с. 29—46; 16, кн. 3, с. 2191—2209].

Падение рождаемости связано с разными причинами. Меняются традиционные установки на многодетность, снижается брачность, растёт число неполных семей. Сказываются структурные факторы: в 1990-е гг. в детородный период у некоторых народов вступило малочисленное поколение женщин, рождённых в 1960-е гг. (демографическое эхо Великой Отечественной войны). Распространение получило прерывание беременности. В 1988—1992 гг. на Камчатке число абортёв у аборигенов превысило количество рождений [23, с. 152]. Редким стало появление детей у женщин старше 40 лет. Сказывается рост образовательного и профессионального уровня. У эвенков Амурской области, занятых в традиционных отраслях,

в начале 1980-х гг. имелось в среднем около 4 детей, у работников просвещения, культуры, медицины — 2,4 ребёнка [1, с. 62].

Многодетность перестала быть отличительной чертой аборигенных сообществ. На Дальнем Востоке народов с высокой рождаемостью (более 3 детей на женщину 50—54 лет) нет. К группе с повышенной рождаемостью (2,5—2,9 ребёнка) демографы относят пока чукчей (2,8); удэгейцев, эвенков, эвенков, юкагиров (2,7); эскимосов (2,6); нанайцев, ульчей и коряков (2,5). К группе средней рождаемости (2,2—2,4) — нивхов, ительменов и камчадалов [4].

Показатели рождаемости зависят от состояния брачности, которая неуклонно снижается. В 1978—1982 гг. у амурских нивхов было зарегистрировано 145 браков, в 1998—2002 гг. — 53. У нивхов Охинского района в эти же годы число зарегистрированных браков сократилось с 57 до 21 [34, с. 56]. В Корякском округе в 1990 г. регистрировалось 420 браков, в 2002 г. — 129 [18, с. 12].

Другая составляющая проблемы — гражданские браки. Как свидетельствуют похозяйственные книги, в отдельных сёлах доля семей, живущих таким браком, достигает 50% и более. Ухудшение ситуации в этой сфере фиксируют и последние переписи. В 2002 г. у нанайцев Хабаровского края в гражданском браке состояли 12,2% мужчин и 14,6% женщин, в 2010 г. — 16,8 и 18,5% соответственно. У нивхов Сахалина число живущих в гражданском браке выросло с 14,5 до 19,4% у мужчин и с 18,6 до 25% у женщин, у коряков на Камчатке — с 11,5 до 14,1% у мужчин и с 17,8 до 21% у женщин и т.д. [14, с. 139—145; 16, кн. 3, с. 2356—2361]. Гражданские браки вносят свою лепту в снижение рождаемости. В эвенкийском селе Удское, по данным похозяйственных книг, в семьях, где брак зарегистрирован, в начале 2000-х гг. имелось в среднем 2,6 совместных ребёнка, в семьях с гражданским браком — 1,1.

Растёт число никогда не вступавших в брак. В Амурской области в 1989—2002 гг. в расчёте на 1000 чел. в возрасте от 16 лет и старше оно увеличилось с 217 до 269 у мужчин и с 110 до 170 у женщин; в Камчатской области — с 258 до 305 (муж.) и с 113 до 166 (жен.); на Чукотке — с 171 до 273 (муж.) и с 97 до 180 (жен.); в Хабаровском крае — с 228 до 307 (муж.) и со 128 до 189 (жен.) [15, с. 227]. К 2010 г. эти показатели повсеместно несколько снизились, но оставались существенно выше тех, что были в 1989 г. У коренных народов доля никогда не состоявших в браке выше региональных показателей. Если в Хабаровском крае в 2002 г. в брак никогда не вступало 30,7% мужчин и 18,8% женщин в возрасте от 16 лет и старше, то у нанайцев — 40,2% (муж.) и 27,5% (жен.), у негидальцев — 45% (муж.) и 24% (жен.), у ульчей — 44% (муж.) и 27,5% (жен.) и т.д. [14, с. 48 и др.].

Обобщённые данные о состоянии брачности малочисленных народов по материалам двух последних переписей представлены в табл. 2. Обращает на себя внимание повышенная доля холостяков. В 2002 г. у 13 народов из 18 в браке никогда не состояли 45% мужчин. К 2010 г. этот показатель вырос у 8 этносов из 18. У коряков, чукчей, эвенков и чуванцев

безбрачие мужчин во многом связано с их занятием оленеводством. Девушки, прошедшие социализацию в урбанизированной среде, неохотно выходят замуж за оленеводов. В Магаданской области в конце 1980-х гг. никогда не состояли в браке до 70% оленеводов в возрасте до 30 лет [10, с. 14]. Их немногочисленные браки были, как правило, разновозрастными: жёны старше мужей на 20—30 и более лет.

На снижении рождаемости особенно сказывается безбрачие женщин. В 2002 г. доля никогда не вышедших замуж составляла 29,3%, к 2010 г. она несколько увеличилась и стала больше средних российских показателей в 1,8 раза. Высокий процент безбрачия женщин — во многом следствие диспропорции полов. Почти у всех коренных народов их больше, чем мужчин, и разрыв этот увеличивается. В 2002—2010 гг. у эвенов число женщин в расчёте на 1000 мужчин выросло более чем на 100 чел., у негидальцев — на 171 чел., у тазов — на 194 чел.

и т.д. Гендерный разрыв между последними переписями стал больше у 11 народов из 18, особенно он велик у живущих в городах (у эвенов 1805 женщин на 1000 мужчин, у удэгейцев — 1568), но характерен и для сельского населения (табл. 3). Преобладание женщин, как правило, начинается с 20—24 лет, когда и формируются брачные отношения. В 2002 г. в Хабаровском крае, например, на 1000 мужчин-эвенков 20—34 лет приходилось 1220 женщин. На практике это означало, что для пятой части эвенкиек единственная возможность создать семью — смешанный в этническом отношении брак. В реальной жизни всё гораздо сложнее.

Социальный статус женщин коренных народов выше, чем у мужчин, и далеко не каждая готова связать свою жизнь с человеком, социально-культурные характеристики которого не соответствуют её ожиданиям. Смешанные браки чаще заключают лица с более высоким уровнем образования, однонациональные — с более низким. Это справедливо как для мужчин, так и для женщин, хотя у последних более сложная зависимость.

Таблица 2

Доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке (% от числа лиц в возрасте 16 лет и старше)

Народы	2002 г.		2010 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Алеуты	43,8	26,7	39,3	21,5
Ительмены	42,3	21,8	38,6	18,4
Камчадалы	31,5	15,0	32,7	15,3
Коряки	52,1	30,2	50,6	27,9
Нанайцы	40,2	27,5	32,7	26,4
Негидальцы	45,0	23,9	43,9	28,9
Нивхи	46,1	32,4	45,0	29,8
Орочи	62,7	33,5	63,6	28,8
Тазы	25,5	14,3	23,4	14,4
Удэгейцы	36,5	24,4	40,4	20,5
Уйльта	66,6	33,0	22,0	29,1
Ульчи	44,1	27,5	41,7	21,6
Чуванцы	42,9	32,1	44,3	28,0
Чукчи	48,0	32,8	50,8	34,4
Эвенки	44,9	30,6	45,0	31,8
Эвены	46,7	27,9	48,1	31,4
Эскимосы	44,0	34,1	43,9	29,2
Юкагиры	37,1	31,4	39,9	33,7
Все КМНС	45,1	29,3	45,2	29,9
Среднее по РФ	25,1	17,5	24,4	16,5

Подсчитано по: [14, с. 48—76; 16, кн. 3, с. 2261—2292].

Таблица 3

Соотношение мужчин и женщин на территориях преимущественного проживания по данным переписей населения в 2002—2010 гг.

Народы	На 1000 мужчин приходится женщин					
	городское и сельское население		городское население		сельское население	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Алеуты	1061	967	1050	987	1010	958
Ительмены	1170	1157	1304	1331	1068	1059
Камчадалы	1058	1097	1158	1120	941	1087
Коряки	1086	1145	1257	1300	1015	1065
Нанайцы	1157	1210	1286	1322	1105	1166
Негидальцы	1277	1448	1376	2150	1238	1226
Нивхи	1170	1251	1243	1314	1106	1188
Орочи	1130	1161	1238	1200	1035	1137
Тазы	1106	1300	1075	1461	1128	1211
Удэгейцы	1095	1055	1656	1568	952	926
Уйльта	1059	1061	1115	1157	986	1298
Ульчи	1129	1239	1360	1385	1084	1202
Чуванцы	1250	1109	1507	1302	1139	1000
Чукчи	1118	1145	1256	1295	1083	1101
Эвенки	1089	1041	1221	1150	1050	1005
Эвены	1366	1469	1750	1805	1220	1314
Эскимосы	1096	1081	1350	1158	995	1040
Юкагиры	1090	1060	1088	1145	1091	993

Источники: [14, с. 7—12; 24].

В результате растёт число матерей-одиночек, доля внебрачных детей. В целом по РФ она увеличилась с 14,9% в 1993 г. до 29,5% в 2003 г. У народов Дальнего Востока процент внебрачных детей растёт быстрее, чем доля рождённых в браке.

В СССР проблема замужества аборигенок во многом решалась за счёт смешанных браков. В сёлах работало много приезжих холостых мужчин. В настоящее время у потенциальных невест подобного выбора нет. В этой связи можно полагать, что проблема замужества женщин коренных народов, а вместе с ней и проблема рождаемости, будет обостряться.

Число этнически смешанных семей растёт у аборигенов с середины 1970-х гг. У эвенков Амурской области в 1975—2002 гг. их доля увеличилась с 10,7 до 56,7% [1, с. 57; 11, с. 118]. В Хабаровском крае такие семьи в начале 2000-х гг. преобладали в 8 эвенкийских сёлах из 12. В Верхнебуреинском районе в 1990-е гг. вообще не было ни одного однонационального брака. У нанайцев к середине 1990-х гг. этнически смешанные семьи составляли 63%, у орочей — 90%, у амурских нивхов в 1998—2002 гг. — 84,8%, у сахалинских — 71,4% [35, с. 58; 12, с. 31; 34, с. 51]. На Северо-Востоке

в отдельных сёлах доля смешанных семей достигает 35%. Росту их числа способствует метисация. Дети, выросшие в таких семьях, с рождения имеют установку на межнациональные браки. Поэтому таких союзов будет всё больше.

Влияние смешанных браков на демографическую ситуацию двояко. С одной стороны, они способствуют приросту численности коренных народов. Дети в таких браках составляют 70—80% всех рождённых женщинами-аборигенками. От отцов другой национальности в конце 1980-х гг. регистрировалось 83,7% детей у ительменов, 82% — у эвенов, 89% — у орочей, 96% — у юкагиров, 81% — у удэгейцев и т.д. [8, с. 218]. Высокими оставались показатели и в 1990-е гг. У орочей 59,5% родившихся в 1991—1995 гг. имели отцов другой национальности. В Корьякском округе в 1999—2000 гг. в различных сёлах аналогичные показатели составляли у коряков от 46 до 57%, у чукчей — от 45 до 56%, у ительменов — от 62 до 93%, у эвенов — от 37 до 65% [21].

С другой стороны, в смешанных браках рождаемость чаще всего ниже, чем в этнически однородных. В Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края, например, в эвенкийских семьях имелось в среднем 2,2 ребёнка, в русско-эвенкийских — 1,4. Анализ похозяйственных книг показывает: число рождений, как правило, обратно пропорционально количеству этнически смешанных семей. Кроме того, такие браки часто распадаются, что отражается и на рождаемости.

Несмотря на снижение последней, у коренных народов она остаётся заметно выше показателей приезжего населения и общероссийских цифр. В 2010 г. среднее число рождённых детей в расчёте на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше варьировало от 1672 у ительменов до 2033 у удэгейцев [25]. Региональная рождаемость в эти годы не в последнюю очередь формировалась за счёт аборигенных этносов. На Чукотке они составляли в 1991 г. 11,2% всего населения, а на них пришлось 24% всех рождений. К 2001 г. доля коренных народов в округе выросла до 26%, доля рождённых у них — до 50% [26, с. 118]. В Арсеньевском сельском поселении Хабаровского края аборигенные этносы составляют 24% населения, но на них приходится 38% всех рождений в 1991—2003 гг. Коренные народы выступают в роли демографических доноров во всех регионах Дальнего Востока.

Повышенная рождаемость во многом нивелируется ростом смертности. В 1995 г. у 20 аборигенных этносов из 30 уровень последней был выше российского. На Дальнем Востоке этот показатель являлся особенно большим у удэгейцев — 32,5‰ и негидальцев — 29,1‰ [6]. В Корьякском округе коэффициент смертности увеличился в 1990—2000 гг. с 8,7 до 13,9‰, а на Чукотке в 1991—1999 гг. — в 2,6 раза, в том числе у коренного населения — в 1,6 раза [7, с. 28; 19, с. 11].

Рост показателей смертности отчасти обусловлен изменениями возрастной структуры жителей. Чукотку в 1990-е гг. покинуло много трудоспособных. Число лиц старших возрастов увеличилось в 2 раза, что соответственно и отразилось на показателях. С этим же связан и рост доли коренных народов в структуре общей смертности. Чем выше их процент в составе

населения, тем больше доля в смертности. В 1992 г. на аборигенов приходилось 29,7% всех смертей в округе, в 2001 г. — 45,6%, в том числе и по указанной причине [26, с. 119].

Наметившееся по российскому Северу с 2004 г. снижение общего коэффициента смертности затронуло Дальний Восток в меньшей степени. На Чукотке вплоть до 2014 г. наблюдалась скорее стагнация, чем снижение смертности, коэффициент которой в 2014 г. был выше уровня 2003 г. Незначительное сокращение смертности, в том числе и у коренных народов, имело место после 2003 г. в Магаданской области и Камчатском крае [27, с. 79].

Для аборигенов характерна повышенная смертность в трудоспособных возрастах. Она в 4 раза выше, чем у приезжих, особенно высока у мужчин 20—34 лет. В 1992 г. в Корякском округе средний возраст умерших составлял 47 лет, у народов Севера — 32 года. В начале 2000-х гг. 60% умерших у малочисленных народов Камчатки были трудоспособными [ГАКК КФ. Ф. 316. Д. 20. Оп. 1. Л. 3]. Сказываются особенности занятости коренных этносов (работа в тайге и тундре сопряжена с повышенным риском для жизни), а также злоупотребление алкоголем.

Повышенная смертность в ранних возрастах формирует особенности демографической нагрузки на трудоспособное население. У большинства коренных народов в 2002 г. последняя превышала средние показатели русских жителей региона (290 чел. на 1000 трудоспособных) более чем в 1,5 раза. Лидером в этом отношении были юкагиры — 707 чел. на 1000 трудоспособных. У коряков, чукчей, эскимосов, эвенков и эвенов показатель колебался от 519 до 555. Близка к этим цифрам демографическая нагрузка у ульчей (488), негидальцев (470), нивхов (467). К 2010 г. за счёт сокращения рождаемости демографическая нагрузка у юкагиров снизилась до 572, у эвенков и эвенов — до 479, у ульчей — до 472 и т.д., но во всех случаях она оставалась выше, чем у русского населения региона [16, кн. 3, с. 2188—2269; 13, кн. 1, с. 716—799].

Между переписями 2002 и 2010 гг. доля младшей возрастной группы (до 20 лет) уменьшилась у всех народов, в том числе у ительменов — с 34,9 до 32,2%, у коряков — с 42,2 до 36,1%, у нанайцев — с 36,4 до 31,8%, у ульчей — с 38,2 до 34,2%, у чукчей — с 43,7 до 38,3%, у эвенков — с 42,2 до 38%, у юкагиров — с 42,8 до 41,6%. Одновременно выросла доля лиц в возрасте 60 лет и старше. У ительменов она увеличилась с 7,6 до 10%, у коряков — с 4,7 до 4,9%, у эвенов — с 6,9 до 7,2%. У нанайцев, негидальцев, эвенков, юкагиров и некоторых других доля старших возрастов несколько сократилась. По оценке демографов, на стадии невысокого уровня старости находятся ительмены, алеуты и камчадалы. В преддверии старости — негидальцы, эвены, нанайцы, ульчи, чуванцы и удэгейцы. Эвенки, чукчи, ороки, орочи, юкагиры, нивхи, коряки и эскимосы переживают демографическую молодость [4].

Продолжительность жизни коренных народов повсеместно ниже общероссийских и региональных показателей. В 1993—1995 гг. она сократилась с 52 до 48 лет и была меньше средней по России на 15 лет. В Корякском

округе в 2001 г. у народов Севера она составляла 49,3 года — на 10 лет меньше среднеокружной [18, с. 12, 14]. Продолжительность жизни стала увеличиваться с начала 2000-х гг. На Чукотке в 2003—2015 гг. она выросла с 59 до 64,2 лет, в Магаданской области — с 63,1 до 68,1 лет, на Камчатке — с 63,1 до 68,6 лет, но продолжала отставать от российского уровня [27, с. 82].

Одна из причин высокой смертности — злоупотребление алкоголем. Гибель пьяных от переохлаждения и на воде, отравления спиртными напитками, насильственные смерти на почве пьянства, самоубийства составляют до половины смертных случаев. В Нанайском районе Хабаровского края в 1993 г., по данным ЗАГСА, 42% всех смертей коренных народов были связаны с пьянством. На Чукотке смертность в результате алкогольной интоксикации, других причин на её фоне, в том числе самоубийств, выросла в 1991—2001 гг. у коренных народов в расчёте на 100 тыс. чел. с 30 до 382, количество травм и несчастных случаев — с 244 до 618 [26, с. 121—122]. Отравлений, травм, самоубийств и болезней сердца, вызванных употреблением спиртного, у чукчей и эскимосов в 1,5 раза больше, чем у некоренных жителей округа. Пристрастие к алкоголю характерно и для женщин аборигенных этносов. В 1994 г. он стал причиной 42,2% смертей коренных северянок, что в 2,3 раза больше, чем у всех женщин Чукотского АО [5, с. 120].

Антиалкогольная кампания 1980-х гг. при всех её издержках значительно оздоровила ситуацию в районах проживания аборигенов. Показательные следующие цифры. У удэгейцев и нанайцев Пожарского района Приморья в 1984—1988 гг. смертность на почве пьянства достигала 16%. В последующие пять лет, когда продажа спиртных напитков стала свободной, она увеличилась до 46% [33, с. 38].

Доля смертности на почве злоупотребления алкоголем у народов Севера более чем в 2,5 раза превышает средние данные по России. Свыше 30% всех смертей среди аборигенов связаны с различными видами насилия, тогда как по стране их только 11%. На Чукотке в состоянии опьянения в 1990-е гг. совершалось до 80% уголовных и бытовых преступлений.

В 1990-е гг. российский Север захлестнула волна самоубийств, их доля в общей смертности была в 3—4 раза больше, чем в целом по РФ [ГАРФ. Ф. 10102. Оп. 1. Д. 4. Л. 56—56 об.]. На Чукотке их число выросло в 1989—1994 гг. у мужчин — в 2,7 раза, у женщин — в 1,6 раза [5, с. 120].

Проблемы суицида коренных народов во многом обусловлены этнокультурными факторами. Добровольный уход из жизни, вытекающий из культурной традиции, особенностей психики и мировоззрения, был широко распространён на Чукотке. Северные этносы отличала склонность к самоубийству как средству ухода от возникающих проблем [2]. Для них характерна и повышенная чувствительность к стрессовым ситуациям, которых в 1990-е гг. оказалось в избытке. Злоупотребление алкоголем только усугубило положение дел.

Подведём некоторые итоги. Анализ демографической ситуации у малочисленных народов Дальнего Востока в последние десятилетия показывает, что устойчивую положительную динамику (численность растёт во все

межпереписные периоды) демонстрируют лишь 5 этносов из 18 — ительмены, чукчи, эвенки, эвены и юкагиры. При этом увеличение количества ительменов обусловлено демографическими факторами, а эвенки, эвены и юкагиры показывают прирост главным образом в Якутии. Среди народов, численность которых после 1989 г. неуклонно уменьшалась, — алеуты, коряки, негидальцы, орочи, удэгейцы, ульчи и чуванцы. Прирост у нанайцев, нивхов, ороков и тазов в межпереписной период 1989—2002 гг. сменился убылью в 2002—2010 гг.

Динамику численности народов Дальнего Востока в рассматриваемое время определяли 4 фактора: естественные прирост или убыль; изменение этнического самосознания; стремление власти влиять на этническую структуру; погрешности переписи. На изменение численности ительменов, ороков, орочей, камчадалов определяющее воздействие оказывали ассимилятивный и административный факторы. У других народов определяющую роль играло естественное движение. Можно утверждать, что воспроизводственные процессы, характерные для коренных этносов в рассматриваемый период, ведут не к росту, а к сокращению численности.

Среди тенденций, определяющих современную демографическую ситуацию у коренных народов, — увеличение числа и доли однопородных, бездетных и неполных семей в результате разводов и овдовения; рост доли детей, рождённых вне брака; сокращение брачности мужчин и женщин; снижение доли молодых возрастов и лиц от 60 лет и старше; замедление прироста у народов, где он ещё фиксируется; увеличение абсолютной и относительной численности городского населения.

После переписи 2002 г. демографическую ситуацию у большинства коренных этносов Дальнего Востока принято было считать умеренно оптимистичной. После 2010 г. такая оценка уже не кажется правильной. При некотором увеличении общей численности у большинства аборигенных народов (13 из 18) фиксировалась убыль. На фоне сокращения количества всего населения России эта ситуация не выглядит катастрофической, но не избавляет от тревоги за их судьбу.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. БАМ и народы Севера / отв. ред. В.И. Бойко. Новосибирск: Наука, 1979. 176 с.
2. Батянова Е.П. Некоторые архаические обычаи у народов Крайнего Северо-Востока // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994. С. 390—411.
3. Богдавленский Д. Вымирают ли народы Севера? // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2004. № 83. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0165/tema01.php> (дата обращения: 30.11.2018).
4. Богдавленский Д. Последние данные о численности народов Севера. URL: <http://www.csipn.ru/glavnaya/actual/1204-poslednie-da> (дата обращения: 30.11.2018).
5. Демина М.Н. Анализ смертности, связанной с употреблением алкоголя, в Чукотском автономном округе // Чукотка: природа и человек. Магадан, 1998. С. 118—123.

6. Демографические показатели народов Севера // От патернализма к партнёрству. Строительство новых отношений народов Севера и государства / отв. ред. А.Н. Пилясов. Магадан, 1998. С. 159—161.
7. Дети округа: стат. сб. Палана: Комитет статистики Корякского автономного округа, 2005. 37 с.
8. Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века: в 3 т. Якутск: Якутский филиал изд-ва СО РАН, 2004. Т. 2. 320 с.
9. Донской Ф.С. Пути обеспечения расширенного воспроизводства населения народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1990. 80 с.
10. Задорин В. Когда уходит женщина... // Северные просторы. 1985. № 3. С. 11—15.
11. История и культура дальневосточных эвенков / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2010. 334 с.
12. История и культура орочей / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2001. 172 с.
13. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1, 2. М.: Статистика России, 2004. 2075 с.
14. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 13. Коренные малочисленные народы РФ. М.: Статистика России, 2004. 1824 с.
15. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 14. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Статистика России, 2005. 493 с.
16. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: Статистика России, 2012. Кн. 1, 847 с.; кн. 2, 2101 с.; кн. 3, 2923 с.
17. Коренные малочисленные народы Севера Хабаровского края. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: стат. сб. Хабаровск, 2006. 102 с.
18. Корякский автономный округ в цифрах: стат. сб. Палана: Комитет государственной статистики Корякского автономного округа, 2003. 79 с.
19. Корякскому автономному округу — 70 лет: инф.-стат. сб. Палана: Комитет государственной статистики Корякского автономного округа, 2000. 64 с.
20. Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина / под ред. Д.А. Функа. М.: ООО «Издательство „Демос“», 2015. 272 с.
21. Малочисленные народы Севера Корякского автономного округа: стат. сб. Палана, 2001. 44 с.
22. Мурашко О.А. Камчадалы // Народы Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 2010. С. 201—246.
23. Население России. Второй ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М., 1994. 165 с.
24. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. 752 с.
25. О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). URL: <http://old.mikhprim.ru/perepis-2010/o-demograficheskikh-i-sotsialno--ekonomicheskikh-harakteristikah-naseleniya-otdelnyh.htm> (дата обращения: 30.11.2018).
26. Петренко Э.П. Медико-демографические особенности Чукотки: 1991—2001 // Состояние здоровья населения Чукотки: проблемы и пути решения. Магадан, 2003. С. 116—124.
27. Попова Л.А., Тараненко Н.Н. Северные регионы России: уровень и структура смертности населения // Регион: экономика и социология. 2017. № 4. С. 77—100.

28. Регионы России: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2000. Т. 1. 532 с.
29. Роббек В.А. Устойчивое развитие народов Севера России: фундаментальные и прикладные исследования. Новосибирск: Наука, 2011. 662 с.
30. Соколова З., Степанов В. Категория «коренные малочисленные народы Севера» и проблема статистического учёта. URL: <http://docplayer.ru/40562513-1-problema-statisticheskogo-ucheta-1.html> (дата обращения: 30.11.2018).
31. Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 75—95.
32. Социально-экономическое развитие Чукотского автономного округа в 1993—1999 гг.: краткий стат. сб. Анадырь, 2000. 27 с.
33. Тураев В.А. Зыбкое равновесие: современное социально-демографическое и этнокультурное состояние малочисленных народов в бассейне реки Бикин // Россия и АТР. 1995. № 2. С. 36—46.
34. Фадеева Е.В. Общественный строй и социальная организация // История и культура нивхов. СПб.: Наука, 2008. С. 28—59.
35. Фадеева Е.В. Семья и формы брака // История и культура нанайцев. СПб.: Наука, 2003. С. 49—62.
36. Хаховская Л.Н. Камчадалы Магаданской области. Магадан, 2003. 325 с.
37. ГАКК КФ (Гос. арх. Камчатского края (корякский филиал)).
38. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).

REFERENCES

1. *BAM i narody Severa* [BAM and the Peoples of the North]. Executive ed. V.I. Boyko. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979, 176 p. (In Russ.)
2. Bat'yanova E.P. Nekotorye arkhaischeskie obychai u narodov Kraynego Severo-Vostoka [Some Archaic Customs of the Peoples of the Extreme Northeast]. *Narody Severa i Sibiri v usloviyakh ekonomicheskikh reform i demokraticeskikh preobrazovaniy* [Peoples of the North and Siberia in the Context of Economic Reforms and Democratic Transformations]. Moscow, 1994, pp. 390—411. (In Russ.)
3. Bogoyavlenskiy D. Vymirayut li narody Severa? [Do the Peoples of the North Die out?]. *Elektronnaya versiya byulletenya "Naselenie i obshchestvo"* [Electronic Version of the Bulletin "Population and Society"]. 2004, no. 83. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0165/tema01.php> (accessed 30.11.2018). (In Russ.)
4. Bogoyavlenskiy D. *Poslednie dannye o chislennosti narodov Severa* [Recent Data on the Number of Peoples of the North]. Available at: <http://www.csipn.ru/glavnaya/actual/1204-poslednie-da> (accessed 30.11.2018). (In Russ.)
5. Demina M.N. Analiz smertnosti, svyazannoy s upotrebleniyem alkogolya, v Chukotskom avtonomnom okruge [Analysis of Alcohol-Related Mortality in the Chukotka Autonomous Region]. *Chukotka: priroda i chelovek* [Chukotka: Nature and Man]. Magadan, 1998, pp. 118—123. (In Russ.)
6. Demograficheskie pokazateli narodov Severa [Demographic Indicators of the Peoples of the North]. *Ot paternalizma k partnerstvu. Stroitel'stvo novykh otnosheniy narodov Severa i gosudarstva* [From Paternalism to Partnership. Building New Relations between the Peoples of the North and the State]. Executive ed. A.N. Pilyasov. Magadan, 1998, pp. 159—161. (In Russ.)
7. *Deti okruga*: stat. sb. [Children of the District. Statistical Collection]. Palana, Komitet statistiki Koryakskogo avtonomnogo okruga Publ., 2005, 37 p. (In Russ.)

8. Donskoy F.S. *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'negu Vostoka vo vtoroy polovine XX veka: v 3 t.* [Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East in the Second Half of the Twentieth Century. In 3 vol.]. Yakutsk, Yakutskiy filial izd-va SO RAN Publ., 2004, vol. 2, 320 p. (In Russ.)
9. Donskoy F.S. *Puti obespecheniya rasshirennogo vosproizvodstva naseleniya narodnostey Severa, Sibiri i Dal'negu Vostoka* [Ways to Ensure the Expanded Reproduction of the Population of the Peoples of the North, Siberia and the Far East]. Yakutsk, 1990, 80 p. (In Russ.)
10. Zadorin V. *Kogda ukhodit zhenshchina...* [When a Woman Leaves...]. *Severnyye prostory*, 1985, no. 3, pp. 11–15. (In Russ.)
11. *Istoriya i kul'tura dal'nevostochnykh evenkov* [History and Culture of the Far Eastern Evenks]. Executive ed. V.A. Turaev. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2010, 334 p. (In Russ.)
12. *Istoriya i kul'tura orochey* [History and Culture of the Orochi]. Executive ed. V.A. Turaev. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001, 172 p. (In Russ.)
13. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g.: v 14 t. T. 4. Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo.* Kn. 1, 2 [Results of the All-Russian Population Census 2002. In 14 vol. Vol. 4. National Composition and Language Proficiency, Citizenship. Book 1, 2]. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2004, 2075 p. (In Russ.)
14. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g.: v 14 t. T. 13. Korennyye malochislennyye narody RF* [Results of the All-Russian Population Census 2002. In 14 vol. Vol. 13. Indigenous Minorities of the Russian Federation]. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2004, 1824 p. (In Russ.)
15. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g.: v 14 t. T. 14. Svodnyye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda* [Results of the All-Russian Population Census 2002. In 14 vol. Vol. 14. The summary Results of the All-Russian Population Census 2002]. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2005, 493 p. (In Russ.)
16. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g.: v 11 t. T. 4. Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo* [Results of the All-Russian Population Census 2010. In 11 vol. Vol. 4. National Composition and Language Proficiency, Citizenship]. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2012, book 1, 847 p.; book 2, 2101 p.; book 3, 2923 p. (In Russ.)
17. *Korennyye malochislennyye narody Severa Khabarovskogo kraya. Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g.: stat. sb.* [Indigenous Peoples of the North of the Khabarovsk Region. Results of the All-Russian Population Census 2002. Collected Works]. Khabarovsk, 2006, 102 p. (In Russ.)
18. *Koryakskiy avtonomnyy okrug v tsifrakh: stat. sb.* [The Koryak Autonomous Region in Numbers. Statistical Collection]. Palana, Komitet gosudarstvennoy statistiki Koryakskogo avtonomnogo okruga Publ., 2003, 79 p. (In Russ.)
19. *Koryakskomu avtonomnomu okrugu — 70 let: inf.-stat. sb.* [The Koryak Autonomous Region is 70 Years Old. Information and Statistical Collection]. Palana, Komitet gosudarstvennoy statistiki Koryakskogo avtonomnogo okruga Publ., 2000, 64 p. (In Russ.)
20. *Kul'tura i resursy. Opyt etnologicheskogo obsledovaniya sovremennogo polozheniya narodov Severa Sakhalina* [Culture and Resources. Experience of Ethnological Survey of the Current Situation of the Peoples of Northern Sakhalin]. Ed. by D.A. Funk. Moscow, OOO "Izdatel'stvo 'Demos'" Publ., 2015, 272 p. (In Russ.)
21. *Malochislennyye narody Severa Koryakskogo avtonomnogo okruga: stat. sb.* [Indigenous Peoples of the North of the Koryak Autonomous Region. Statistical Collection]. Palana, 2001, 44 p. (In Russ.)
22. Murashko O.A. *Kamchadaly [Kamchadals]. Narody Severo-Vostoka Sibiri* [Peoples of the North-East of Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 201–246. (In Russ.)

23. *Naselenie Rossii. Vtoroy ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [Population of Russia. The Second Annual Demographic Report]. Ed. by A.G. Vishnevskiy. Moscow, 1994, 165 p. (In Russ.)
24. *Natsional'nyy sostav naseleniya RSFSR. Po dannym Vsesoyuznoy perepisi nasele-niya 1989 g.* [The National Composition of the Population of the RSFSR. According to the All-Union Census of 1989]. Moscow, 1990, 752 p. (In Russ.)
25. *O Demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh kharakteristikakh naseleniya ot-del'nykh natsional'nostey Rossiyskoy Federatsii (po itogam Vserossiyskoy perepi-si naseleniya 2010 goda)* [On the Demographic and Socioeconomic Characteristics of the Population of Individual Nationalities of the Russian Federation (Based on the All-Russian Population Census 2010)]. Available at: <http://old.mikhprim.ru/perepis-2010/o-demograficheskikh-i-sotsialno--ekonomicheskikh-harakteristikah-naseleniya-otdelnykh.htm> (accessed 30.11.2018). (In Russ.)
26. Petrenko E.P. Mediko-demograficheskie osobennosti Chukotki: 1991—2001 [Medical and Demographic Features of Chukotka: 1991—2001]. *Sostoyanie zdorov'ya nasele-niya Chukotki: problemy i puti resheniya* [The State of Health of the Population of Chukotka: Problems and Solutions]. Magadan, 2003, pp. 116—124. (In Russ.)
27. Popova L.A., Taranenko N.N. Severnyye regiony Rossii: uroven' i struktura smertnosti naseleniya [Northern Regions of Russia: The Level and Structure of Mortality of the Population]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2017, no. 4, pp. 77—100. (In Russ.)
28. *Regiony Rossii: stat. sb.* [Regions of Russia: Statistical Collection]. Ed. by Russian Federal State Statistics Service (Goskomstat of Russia). Moscow, 2000, vol. 1, 532 p. (In Russ.)
29. Robbek V.A. *Ustoychivoe razvitie narodov Severa Rossii: fundamental'nye i priklad-nye issledovaniya* [Sustainable Development of the Peoples of the North of Rus-sia: Fundamental and Applied Research]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, 662 p. (In Russ.)
30. Sokolova Z., Stepanov V. *Kategoriya "korennyye malochislennyye narody Severa" i problema statisticheskogo ucheta* [Category "Indigenous Peoples of the North" and the Problem of Statistical Accounting]. Available at: <http://docplayer.ru/40562513-I-problema-statisticheskogo-ucheta-1.html> (accessed 30.11.2018). (In Russ.)
31. Sokolova Z.P., Stepanov V.V. *Korennyye malochislennyye narody Severa. Dinami-ka chislennosti po dannym perepisey naseleniya* [Indigenous Peoples of the North. Population Dynamics according to Population Censuses]. *Etnograficheskoe obozre-nie*, 2007, no. 5, pp. 75—95. (In Russ.)
32. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Chukotskogo avtonomnogo okruga v 1993—1999 gg.: kratkiy stat. sb.* [Socioeconomic Development of the Chukot-ka Autonomous Region in 1993—1999. Brief Statistical Book]. Anadyr, 2000, 27 p. (In Russ.)
33. Turaev V.A. Zybkoje ravnovesie: sovremennoe sotsial'no-demograficheskoe i etnokul'turnoe sostoyanie malochislennykh narodov v bassejne reki Bikin [A Fragile Balance: Current Sociodemographic and Ethnocultural Status of Indigenous Peoples in the Bikin River Basin]. *Rossiya i ATR*, 1995, no. 2, pp. 36—46. (In Russ.)
34. Fadeeva E.V. *Obshchestvennyy stroy i sotsial'naya organizatsiya* [Social System and Social Organization]. *Istoriya i kul'tura nivkhov* [History and Culture of the Nivkhs]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 28—59. (In Russ.)
35. Fadeeva E.V. *Sem'ya i formy braka* [Family and Marriage Forms]. *Istoriya i kul'tura nanaytsev* [History and Culture of the Nanai]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 49—62. (In Russ.)
36. Khakhovskaya L.N. *Kamchadaly Magadanskoj oblasti* [Kamchadals of the Magadan Region]. Magadan, 2003, 325 p. (In Russ.)